

Ирина Наумова

Ирина Наумова

| Измена. Шут Гороховый.

Имена.
Шут
Гороховый.

Ирина Наумова

Измена.Шут Гороховый.

«Литнет»

2026

Наумова И. М.

Измена. Шут Гороховый. / И. М. Наумова — «Литнет», 2026

— Ты не сможешь без меня, Агния! — кричал он мне вслед. — Мы одно целое! Я обернулась, поправляя маску Темного Лебедя. — Ошибаешься, Слава. Мы никогда не были целым. Я была твоим двигателем, а ты... ты просто Шут Гороховый. Звени бубенцами дальше, но уже без меня. Пятнадцать лет брака. Общая работа. Общие мечты. Я думала, что мы — идеальная команда, пока одна случайная деталь не сорвала маски с нашей жизни. В канун юбилея нашего агентства мой муж, Вячеслав Горохов, слишком заигрался. Пока я готовила шикарный сюрприз, он выбирал подарки молоденькой любовнице из отдела маркетинга. На новогоднем балу-маскараде всё встало на свои места. Судьба иронична: из-за собственной глупости Слава оказался в нелепом костюме шута. И этот образ подошел ему как нельзя лучше. Я не буду плакать. Я не буду устраивать громких сцен. Я просто заберу свою жизнь назад. И когда мой «шут» осознает, что потерял единственную женщину, которая его по-настоящему ценила, я уже буду далеко. В объятиях того, кто никогда не заставит меня сомневаться в моей исключительности. В тексте вас ждут: ✓ Измена после долгого брака — больно, честно и без прикрас. ✓ Героиня со стержнем — она не прощает, она идет вперед. ✓ Наказание для изменника — когда осознал, да поздно. ✓ Загадочный и властный босс — который долго наблюдал из тени. ✓ Маскарад, тайны и настоящий Хэппи-Энд.

© Наумова И. М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Вячеслав)	8
Глава 3	13
Глава 4(Вячеслав)	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава10	41
Глава11	46
Глава 12 (Вячеслав)	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

Серебряная ложка глухо звякнула о край фарфоровой чашки. Звук в нашей кухне всегда был какой-то особенный — стерильный, словно в операционной. Пятнадцать лет я выстраивала этот быт, подбирая оттенки серого к оттенкам белого, вымеряя расстояние между вазой с мандаринами и подставкой для ножей. Теперь наш дом напоминал идеальную декорацию к фильму, в котором актеры давно забыли сценарий и просто механически передвигают мебель.

Я смотрела, как в чашке оседает густая кофейная пенка. Тридцать шесть — это когда ты уже точно знаешь, что сахар вреден, но продолжаешь класть две ложки, потому что это единственное сладкое, что осталось в твоём утре.

— Агния, где мои запонки? Те, с эмалью? Я перерыл весь комод!

Голос Вячеслава долетел из спальни вместе со звуком хлопающих дверок шкафа. Я закрыла глаза, вдыхая аромат арабики и хвои. В углу сияла трехметровая ель — моя гордость. Дизайнерские шары цвета «пыльной розы», матовые гирлянды, ни одной лишней детали. Я сама наряжала её три ночи подряд, пока Слава «закрывал сметы» в офисе.

— В верхнем ящике, Слава. Справа, в бархатной коробке. Я же просила тебя не перекладывать их, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Через минуту он ворвался на кухню. Мой муж. Лицо нашего агентства «Олимп Событий». В свои тридцать восемь он выглядел так, будто сошел с рекламного плаката мужского парфюма: волевой подбородок, легкая, тщательно выверенная небритость, глаза с хитринкой. Он умел очаровать любого клиента за пять минут. Я же всегда оставалась за кулисами — сценарии, сметы, логистика, декор. Мозг компании.

— Нет их там! — он раздраженно дернул рукав белоснежной рубашки. — Ты снова затеяла свою уборку и всё перепутала. Вечно ты создаешь систему там, где она не нужна.

Я медленно повернулась. Он стоял у окна, подсвеченный холодным декабрьским солнцем. Слава всегда становился невыносимым перед крупными проектами, а сейчас на кону было десятилетие нашего агентства. Десять лет... Семь из них мы были единоличными хозяевами, пока три года назад кассовый разрыв не поставил нас на колени. Тогда появился Рим. Он выкупил семьдесят процентов акций, спас нас от позорного банкротства и оставил нас в креслах директоров. Но теперь мы играли по его правилам.

— Слава, сядь и позавтракай. Омлет остывает, — я подошла к нему, мягко коснулась плеча.

Он дернулся, не отрываясь от телефона.

— Некогда. Рим и так рвет и мечет. Заказал какую-то секретную инсталляцию для бала, а мне — своему замку — даже не сказал. Мы партнеры или кто?

— Мы миноритарии, Слава. Привыкни уже, — мягко напомнила я. — Рим — мажоритарный владелец. Он имеет право на секреты. К тому же, он общается со мной только по техническим вопросам декора.

— Да-да, — он криво усмехнулся. — Твои чертежи, мои улыбки. Мы стали похожи на два отдела одного предприятия, Агния.

Он схватил чашку, сделал глоток и тут же поморщился.

— Кофе горький. Опять сменила сорт?

Я промолчала. Внутри привычно кольнуло. Я взяла его пиджак, висящий на спинке стула, и протянула ему.

— Завтра бал, Слава. Нашему агентству десять лет. Ты решил, в чем пойдешь? Рим объявил, что вход строго в костюмах. Никаких «просто смокингов».

Слава небрежно накинул пиджак.

— Ой, брось. Я — шоумен, я ведущий. Надену маску, и хватит с них. У меня завал по кейтерингу, мне некогда бегать по костюмерным.

— Рим сказал, что за самый креативный образ будет особый приз. Очень дорогой. Ты же знаешь его — он слов на ветер не бросает.

— Разберемся, — Слава уже направлялся к выходу. — Всё, я погнал. Вечером буду поздно, у нас прогон звука. Не жди к ужину.

Дверь захлопнулась. Я осталась стоять посреди нашей безупречной кухни.

Я подошла к окну. Снизу было видно, как белый внедорожник Славы плавно вырывается со двора. Десять лет назад мы начинали с детских праздников, где он прыгал в костюме зайца, а я в перерывах между сценариями штопала ему уши. Теперь у нас был статус, квартира из глянца и... холод в постели, который не могла разогнать ни одна дизайнерская елка.

Я вернулась в спальню и достала из-под кровати кофр. Черные перья, тысячи пайеток, маска «Темного Лебедя». Мой секрет. Я шила этот костюм втайне, надеясь, что завтра, на юбилее, Слава снова увидит во мне не просто коллегу и надежный тыл, а женщину.

«Шут гороховый», — прошептала я, вспомнив старое, нежное прозвище мужа. Когда-то оно было про любовь.

Агентство встретило меня привычным гулом. «Олимп Событий» занимал целый этаж в лофте на набережной. Телефонные звонки, запах хвои и дорогого парфюма.

— Агния Борисовна, там курьер с бархатом! — ко мне подбежала Леночка, наша ассистентка.

— В малый зал, Лена. Я сейчас подойду, — я на ходу снимала пальто.

Мой кабинет находился рядом с кабинетом Рима. Проходя мимо, я заметила, что дверь генерального приоткрыта. Рим стоял у окна — мощная фигура в черном джемпере. Он всегда выглядел так, будто контролирует не только бизнес, но и само время.

Я постучала.

— Доброе утро, Рим. Есть минута?

Он обернулся. Его взгляд — тяжелый, пронизательный — прошелся по моему лицу.

— Заходи, Агния. Как раз хотел тебя видеть.

Рим был человеком, который спас наше детище, но при этом лишил нас иллюзий. Слава его недолюбливал, я же — уважала за пугающую честность.

— Твой муж опять проигнорировал бриф по костюмам, — Рим сел за стол. — Он уверен, что ему всё сойдет с рук из-за его доли в акциях и старых заслуг. Но завтра десятилетие компании, а не бенефис Славы Горохова.

— Он просто загружен, — привычно вступилась я.

— Нет, Агния. Он безответственен. Ты — тянешь на себе производство, он — только сливки.

Рим положил на стол запечатанный конверт.

— Завтра на балу я объявлю победителя. Приз будет... неожиданным. Для акционеров это шанс пересмотреть свои позиции в агентстве. Я хочу, чтобы ты знала: я рассчитываю на твой профессионализм. Не подведи меня.

— Это касается работы или праздника?

— В нашем бизнесе это одно и то же. Завтра все маски будут сброшены.

Я взяла конверт, чувствуя странную дрожь в пальцах. Рим смотрел на меня так, будто знал нечто, чего еще не знала я.

Я вышла из кабинета и в коридоре столкнулась с Миланой из маркетинга. Яркая, двадцатитрехлетняя, она вечно пахла чем-то приторно-сладким — смесью ванили и ягод.

— Ой, Агния Борисовна! — она лучезарно улыбнулась. — Вы тоже к Риму Александровичу? Он сегодня такой суровый.

— Работа такая, Милана, — сухо ответила я.

— А я вот уже костюм приготовила! Буду Лисичкой. Слава... то есть Вячеслав Игоревич сказал, что мне очень пойдет этот образ. Мы вчера так долго обсуждали это на выезде...

Я замерла.

— На выезде? Вчера прогон был в офисе.

Милана на секунду смутилась, прикусив губу.

— Ой, я, наверное, перепутала... Мы же столько объектов смотрим. Извините!

Она упорхнула, оставив после себя шлейф ванили. Я прошла в свой кабинет и закрыла дверь. Руки подрагивали. «Слава советовал ей костюм». «Долго обсуждали».

Я села за стол и посмотрела на телефон. Экран мигнул сообщением от мужа: «Малыш, зашиваюсь. Буду поздно. Люблю».

Я смотрела на это «Люблю» и не чувствовала ничего, кроме звенящей пустоты. Пятнадцать лет брака. Общий бизнес, общие акции, общая постель. Почему же мне кажется, что я живу в доме с призраком?

Я открыла конверт Рима. Внутри был золотистый билет с цифрой «10» и подписью: «Только для тех, кто готов увидеть правду».

Бал начинался завтра. Слава еще не знал, что прокат, в который он заскочит в последний момент, предложит ему только один вариант — пестрый наряд с бубенцами. Костюм Шута.

А я... я собиралась надеть крылья Темного Лебедя. И, кажется, пришло время узнать, какая именно правда скрывается за золотистым билетом Рима.

Глава 2(Вячеслав)

(от лица Вячеслава)

Руль моей «Ауди» приятно холодил ладони. В салоне пахло дорогой кожей и едва

уловимым ароматом — нет, не домашнего уюта, а успеха, к которому я привык,

как к утреннему душу.

Я вырулил со двора, мельком глянув в зеркало заднего вида на окна нашей

квартиры. Пятый этаж, балкон заставлен дизайнерскими кашпо с какими-то

вечнозелеными кустами. Там осталась Агния. Правильная, четкая, предсказуемая,

как инструкция к швейцарскому хронографу. Пятнадцать лет я засыпал и

просыпался, зная, что на завтрак будет омлет со шпинатом, рубашки

будут висеть по цветам, а моя жизнь будет расписана по минутам её

аккуратным почерком.

Бесило ли меня это? Раньше я называл это «надежным тылом». Теперь это казалось

мне удушливым коконом. Агния стала слишком... правильной. Она превратилась в

операционную систему, которая безотказно качает обновления, но совершенно не

умеет удивлять.

Я нажал на газ, вклиниваясь в предновогодний поток машин. Москва гудела,

сверкала гирляндами и раздражала пробками. Телефон на соседнем сиденье

ожил, высветив на экране короткое: «Скучаю. Твой хвостик».

Улыбка сама собой растянулась на лице. Я не стал отвечать — за рулем неудобно,

да и сладость момента была в этом ожидании. Милана. Ей двадцать три, и в её

мире нет слова «график». В её мире есть только «хочу» и «сейчас». Когда я

смотрю в её глаза, я не вижу в них напоминаний о неоплаченных счетах за

отопление или о том, что нам нужно обсудить закупку текстиля для банкета. В

них я вижу себя — тридцативосьмилетнего мужика, который всё еще «ого-го», а не

просто миноритарного акционера с сединой на висках.

Конечно, я любил Агнию. Наверное. Как любят старую привычную куртку — она

удобная, в ней всё знакомо, но в свет в такой уже не выйдешь. А я хотел сиять.

Агентство «Олимп Событий» было моим детищем. Я создал его из ничего, из дешевых колонок и веры в собственный драйв. И то, что три года назад нам пришлось «лечь» под Рима... Это была вынужденная мера. Кровавая жертва ради спасения бизнеса.

Я припарковался в подземном паркинге нашего лофт-офиса. Здесь, в полумраке, среди бетона и выхлопных газов, я чувствовал себя хозяином положения. До

того момента, пока лифт не поднял меня на четвертый этаж.

В офисе уже стоял хаос, который я обожал и ненавидел одновременно. Десятилетие

компании. Грандиозный финал года.

— Вячеслав Игоревич, там по кейтерингу вопрос! Лобстеры не прошли таможенно,

предлагают заменить на лангустинов! — Леночка, наша секретарша, вынырнула

из-за угла с блокнотом.

— Решай с Агнией Борисовной, Лена. Я сегодня по творческой части, — отмахнулся

я, направляясь к себе.

На самом деле, мне просто не хотелось вникать в лангустинов. Мне хотелось

праздника.

У двери своего кабинета я столкнулся с Римом. Он стоял, прислонившись к косяку,

и читал что-то в планшете. Его присутствие всегда действовало на меня как

ледяной душ.

— Доброе утро, Рим Александрович, — я постарался придать голосу максимум

уверенности.

Он поднял глаза. Холодные, серые, как балтийская вода. Рим не улыбался. Он

вообще, кажется, не знал, что это такое. — Горохов. Прогоны звука начнутся

через два часа. Ты подготовил сценарий приветствия?

— В процессе, Рим. Я же профессионал, импровизация — мой конек.

— Импровизация хороша в кабаке, — отрезал он, выпрямляясь. — А здесь на кону

репутация крупнейшего агентства. Мы празднуем десять лет. И если ты

надеешься выехать на старых шуточках и обаянии, то зря. Я жду текст на

почте через час.

Я почувствовал, как челюсти непроизвольно сжались. — Слушай, Рим, мы со

сценарием Агнии всегда справлялись...

— Агния занимается визуалом и логистикой, — перебил он. — Твоя работа —

наполнение. И не забудь про костюм. Завтра на балу ты должен быть в

образе.

— Да найду я что-нибудь, — буркнул я, проходя в кабинет.

— Надеюсь. Потому что главный приз получит тот, кто действительно вложит душу в

этот вечер. А не тот, кто просто наденет дорогую маску поверх пустоты.

Он ушел, чеканя шаг. Грёбанный перфекционист. Иногда мне казалось, что он выкупил

контрольный пакет только для того, чтобы методично уничтожить моё эго.

Я упал в кресло и открыл ноутбук. Сценарий... Какое к черту приветствие? В

голове крутились только губы Миланы и запах её парфюма. Она пахла ванилью

и свободой.

В дверь коротко постучали. Сердце екнуло. — Входите.

Это была она. Милана скользнула в кабинет, прикрыв дверь за собой. На ней была

короткая юбка, подчеркивающая бесконечные ноги, и та самая улыбка, от которой

у меня в животе начинали порхать дурацкие бабочки.

— Привет, Слав, — прошептала она, подходя к столу. — Ты видел Рима? Он сегодня

просто зверь.

— Видел, — я потянул её за руку к себе. — Забей на него. Он просто старый

сухарь, который забыл, что такое жизнь.

— Осторожнее, — она хихикнула, уворачиваясь. — Агния Борисовна может зайти.

Упоминание жены подействовало как щелчок переключателя. Я на мгновение

помрачнел. — Она занята бархатом и рассадкой. Мы здесь как тени, Милан.

Никто ничего не заметит.

— Кстати, про маскарад, — она присела на край моего стола, бесстыдно

демонстрируя кружево чулок. — Ты же помнишь, что я буду Лисичкой? Я

нашла потрясающее платье. Оно такое... облегающее. Тебе понравится.

— Уверен в этом, — я провел ладонью по её колену.

— А ты? Что ты наденешь? — она игриво наклонилась вперед.

— Да не знаю. Времени совсем нет. Думал, возьму что-то в прокате по-быстрому.

Смокинг, маска — классика.

— Ну нет! — Милана надула губки. — Это же скучно. Ты должен быть королем! Моим королем.

— Посмотрим, малыш. Слушай, мне правда нужно набросать пару строк для этого ледника в соседнем кабинете. Увидимся на обеде?

— Только если ты пообещаешь, что завтрашний танец будет моим, — она подмигнула и выпорхнула из кабинета, оставив в воздухе шлейф ванили. Я откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Агния. Милана. Рим. Юбилей.

Я чувствовал себя жонглером, у которого в руках слишком много горящих факелов.

Но в этом и был весь кайф. Жить на грани, обманывать судьбу, быть тем самым

Вячеславом Гороховым, которому всё сходит с рук.

Агния ничего не узнает. Она слишком верит в нашу «идеальную систему». Она

слишком занята созданием красоты для других, чтобы заметить, как гниет её

собственная жизнь.

Я открыл файл со сценарием. «Дамы и господа! Десять лет назад мы начали этот

путь...» Банально. Скучно. Надо добавить драйва. Надо сделать так, чтобы

завтра все запомнили этот вечер.

Я мельком взглянул на часы. Надо бы заскочить в прокат костюмов, пока там всё не

разобрали. Но звонок от подрядчика по свету заставил меня забыть об этом еще на

три часа.

В конце концов, я же Горохов. Я всегда выхожу сухим из воды. Что может пойти не

так на обычном корпоративном маскараде?

Я даже не подозревал, что через сутки мой единственный выбор сузится до пестрого

костюма с дурацкими бубенцами. Что я буду стоять перед залом, полным людей, в

наряде Шута, в то время как моя жена — та самая «предсказуемая» Агния — будет

сиять в перьях Темного Лебедя.

Но это будет завтра. А сегодня я закрыл ноутбук, чувствуя себя победителем. Я

был уверен: завтрашний приз Рима будет моим. Как и всё остальное в этой

жизни.

Я вышел из кабинета, на ходу поправляя пиджак. Мимо прошла Агния с охапкой

каких-то эскизов. Она выглядела уставшей, сосредоточенной, серой. — Слава,

ты проверил меню? — спросила она, даже не глядя на меня.

— Да, Агния, всё под контролем, — соврал я, проходя мимо. — Увидимся вечером. Я не обернулся. Зачем смотреть назад, когда впереди столько ярких огней? Я ехал

на обед к Милане, и весь мир казался мне моей личной сценой. Шоу продолжалось.

И я был уверен, что играю главную роль.

"Шут Гороховый"—вспомнил я свое давнишнее шуточное прозвище. Если бы я только знал, как иронична судьба.

Глава 3

Вечер перед юбилеем пах не праздником, а перегретыми прожекторами и дешевым

фастфудом, который жевала монтажная бригада в перерывах. В лофте «Олимпа»

кипела жизнь, но я чувствовала себя в этом муравейнике прозрачной.

— Агния Борисовна, ледяные скульптуры привезли! Куда их? Они же растают до

завтра! — Леночка, с красными от недосыпа глазами, едва не врезалась в

меня.

— В морозильную камеру в подвале, Лена. И проверь, чтобы генераторы работали на

полную. Скульптуры — это финал, они должны простоять до полуночи.

Я отдавала распоряжения механически. Мой мозг работал как отлаженный компьютер,

но сердце словно покрылось тонкой коркой того самого льда. Пока я выверяла углы

падения света и спорила с флористами о свежести орхидей, Слава «работал» в

другом конце зала. Его хохот то и дело взрывал пространство. Он травил

анекдоты монтажникам, хлопал по плечу звукорежиссера и выглядел как человек,

у которого в жизни нет ни единой проблемы.

К нему бежали за «энергией», ко мне — за решением факапов. Он был витриной

нашего успеха, я — его фундаментом, по которому каждый день топтались

сотни ног. И именно сегодня этот фундамент начал давать трещины.

— Выдохни, Агния. Иначе ты просто лопнешь прямо в этом платье, и нам придется

собирать пайетки по всей Москве.

Инна, моя единственная подруга и по совместительству лучший театральный костюмер

города, затянула невидимую молнию на спине.

Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Из отражения на меня глядело существо

из другого мира. Ткань «Темного Лебедя» была живой — она переливалась от

угольно-черного до глубокого фиолетового, словно нефтяная пленка на воде.

Каждое перо на корсете было пришито вручную. Маска, закрывающая верхнюю

половину лица, превращала мои привычные глаза в два хищных озера.

— Это не просто костюм, Инна, — прошептала я, касаясь прохладной ткани. — Это

какая-то броня.

— Она тебе сейчас нужнее всего, родная, — Инна опустилась на стул, закуривая

свою неизменную тонкую сигарету (я позволяла ей это только в ателье). — Ты

его видела сегодня? Своего Горохова?

— Мельком. Он весь в «творческом поиске».

— Слышала я про его поиски, — Инна выпустила облако дыма, глядя на меня с

сочувствием. — Весь офис гудит, что в «Олимпе» завелась молодая

«лисичка». Агния, ты же не дура. Ты столько лет выстраиваешь сюжеты для

других. Неужели не видишь, какой сценарий пишет твой муж за твоей спиной?

Я отвернулась от зеркала. Слова подруги резали без ножа. — Завтра юбилей, Инна.

Пятнадцать лет брака. Я не могу просто так... верить слухам.

— Пятнадцать лет — это срок, а не охранный грамота, — отрезала она. — Посмотри

на себя. Ты — королева. А он... он просто ведущий на твоём празднике жизни.

Завтра надень этот наряд и сожги их всех своей правдой. Или позволь им сжечь

тебя.

Я молчала, чувствуя, как корсет сжимает ребра. В этот момент телефон в моей

сумке на столе ожил. Слава.

Я выпуталась из рук Инны и нажала «ответить». — Слава? Ты где? Мы ещё не

обсудили тайминг выхода кейтеринга...

— Малыш, шумно очень! — голос мужа перекрывался басами какой-то модной музыки.

— Я на объекте, тут со светом беда, перезвоню позже! Не жди меня, ложись спать,

дорогая!

Короткие гудки. «Малыш». «Дорогая».

Я медленно опустила телефон. Психологи говорят, что мужчины начинают

использовать универсальные ласковые прозвища, когда боятся ошибиться

в именах. Или когда имя жены уже не помещается в их новую, яркую реальность.

«Малыш» — это удобно. Это когда забыл, какого цвета душа у женщины, с

которой прожил полжизни.

На заднем фоне, перед самым обрывом связи, я отчетливо услышала девичий смех.

Тот самый — ванильный, звонкий, принадлежащий Лисичке-Милане.

В офис я вернулась уже к полуночи. Нужно было забрать папку с допусками для охраны. В лофте было почти темно, только дежурный свет золотил углы. Я

думала, что я одна, пока не увидела полоску света под дверью генерального. Рим не ушел.

Я зашла в свой кабинет, нащупала папку, и в этот момент дверь открылась. Рим

стоял в проеме, его силуэт казался еще более массивным в полумраке.

— Всё еще работаешь, Агния? — его голос вибрировал в тишине.

— Завтра важный день. Хочу, чтобы всё было идеально.

Он подошел ближе. Между нами было всего полметра, и я кожей почувствовала

исходящий от него жар. Рим не был «удобным» человеком. Он был стихией,

которую мы со Славой пригласили в свой дом, когда не справились с

управлением.

— Идеала не существует, — тихо сказал он. — Существует только честность. Ты

нашла билет, который я оставил?

— Нашла. «Только для тех, кто готов увидеть правду». Рим, что это за игры? Я не

люблю квесты, в которых не знаю правил.

Он протянул руку и вдруг коснулся воротника моего пальто, поправляя его. Его

пальцы на секунду задели мою шею, и по спине пробежал электрический разряд.

Это не был жест ухаживания. Это был жест владельца, который проверяет

надежность крепления.

— Правда — это скальпель, Агния. Будет больно, но зато вырежешь опухоль. Твой

муж так и не нашел костюм. Он метался сегодня по городу, но всё приличное уже

разобрано.

Рим усмехнулся, и в этой улыбке было что-то фатальное. — Завтра Слава будет

выглядеть именно так, как заслуживает. А ты... ты ослепишь этот зал.

Главное — не зажмурься, когда вспыхнет свет.

Он развернулся и ушел, не прощаясь. Я стояла в темноте, сжимая в руках папку, и

чувствовала, как в сумке тяжелеет золотистый билет.

Дома было тихо. Я разделась в темноте, не включая свет. В спальне пахло чужим

праздником. Слава пришел через полчаса после меня. Он старался не шуметь, но

я слышала каждый его шаг.

От него несло табаком, дорогим виски и... ванилью. Этой чертовой приторной

ванилью, которая за последние дни стала моим личным кошмаром.

Он присел на край кровати, думая, что я сплю. Я чувствовала, как прогибается

матрас.

— Малыш... — прошептал он едва слышно. — Если бы ты знала, как я устал строить

это всё для нас.

Я чуть не рассмеялась в подушку. Для нас? Или для того, чтобы у тебя была

красивая сцена для твоих интрижек?

Слава лег рядом, и его рука привычно легла мне на талию. Раньше это объятие было

моей гаванью. Теперь мне казалось, что на меня набросили удавку. Я заставила

себя дышать ровно, притворяясь, что нахожусь в глубоком сне.

В темноте за окном кружился снег, замечая следы уходящего года. Пятнадцать лет

нашей жизни превращались в сугроб, под которым ничего не оставалось.

Глава 4(Вячеслав)

(от лица Вячеслава)

Утро самого важного дня в году началось не с триумфа, а с дикой головной боли и чувства, что я что-то фатально упускаю. Солнце безжалостно било в окна спальни, подсвечивая каждую пылинку в нашей стерильной квартире. Рядом было пусто — Агния уехала на площадку еще на рассвете. На её половине кровати простыня была натянута так ровно, словно там никто и не спал. Иногда мне казалось, что моя жена — это не человек, а самонаводящийся механизм по наведению порядка. Я сел, обхватив голову руками. Вчерашний «объект» с Миланой затянулся. Мы пили виски в маленьком закрытом баре, и она шептала мне на ухо, какой я невероятный, как она ждет сегодняшнего вечера, чтобы все увидели, кто здесь настоящий босс. Рядом с ней я чувствовал себя львом. Рядом с Агнией — школьником, который не выучил уроки. — Черт, костюм! — я вскочил так резко, что в глазах потемнело. Вчера я соврал Риму и Агнии, что «всё под контролем». На самом деле я рассчитывал на свой старый смокинг и маску, но слова Рима о «строгом дресс-коде» и «особом призе» сверлили мозг. К тому же Милана... Она ждала от меня чего-то грандиозного. Я схватил телефон и начал лихорадочно обзванивать прокаты. — Алло, «Маскарад Плюс»? Мне нужен костюм. Любой. Король, Цезарь, хотя бы Наполеон... Как нет? Совсем? В пятом по счету агентстве мне рассмеялись в трубку: — Мужчина, вы в своем уме? Сегодня тридцатое декабря! Весь город в костюмах, у нас даже бороды Деда Мороза разобрали неделю назад! Паника начала медленно подступать к горлу. Я, Вячеслав Горохов, лицо лучшего агентства столицы, приду на юбилей в обычном пиджаке? Рим сотрет меня в порошок. Он только и ждет повода, чтобы показать, кто здесь главный акционер, а кто — «наемный клоун».

Я оделся за пять минут и выскочил из дома. Я объездил полгорода. Пробки в Москве в этот день — это отдельный круг ада. Машины ползли, как сонные гусеницы, а время неумолимо утекало.

К четырем часам дня я стоял в подвале какого-то сомнительного театрального ателье на окраине. Запах нафталина и пыли забивал ноздри. Старая женщина в очках с толстыми линзами смотрела на меня с нескрываемым безразличием.

— Молодой человек, я вам десятый раз повторяю: пусто. Всё на выдаче.

— Посмотрите еще раз! — я почти сорвался на крик, швырнув на стол пачку пятидесятирублевых купюр. — Мне нужен статус! Сила! Что-то, что вызовет уважение!

Она посмотрела на деньги, потом на меня. В её глазах мелькнуло что-то похожее на издевку. — Статус, говоришь? Ну, есть тут одно... Клиент утром отказался, сказал — слишком вызывающе.

Она ушла вглубь склада и через пару минут вынесла ЭТО.

Я замер. Это был пестрый, желто-зеленый комбинезон с огромным воротником-жабо.

Ткань лоснилась, местами были видны зацепки. В комплекте шел трехрогий колпак с настоящими медными бубенцами. Они звякнули в тишине подвала так громко, что я вздрогнул.

— Шут? — выдохнул я. — Вы издеваетесь? Я — исполнительный директор агентства! Я ведущий вечера!

— Другого нет, — старуха пожала плечами, потянувшись к деньгам. — Либо Шут, либо идите в своем пальтишке. К тому же, костюм исторически достоверный. Шуты при дворах были единственными, кому разрешалось говорить правду королям.

— Да какая к черту правда! — я схватил вешалку. Бубенцы снова издевательски зазвенели.

Я представил себя в этом наряде. Рядом с элегантным Римом. Рядом с Миланой, которая будет Лисичкой. Рядом с Агнией, которая наверняка выбрала что-то безупречно-скучное.

Но выбора не было. Рим предупредил: без костюма не входить. А приз... Приз мог решить все мои финансовые проблемы, которые накопились из-за капризов Миланы и

моих попыток жить на широкую ногу.

Я бросил костюм на заднее сиденье «Ауди» и набрал Милану. — Малыш, ты готова? —

Слав! Я такая красивая! — её голос был полон восторга. — Платье — просто огонь.

Ты будешь в восторге. А ты что выбрал? Ты мой Король?

Я сглотнул, глядя в зеркало заднего вида на желтый колпак. — Да... Костюм очень

креативный. Исторический. Ты меня точно не пропустишь.

— Обожаю тебя! Встретимся в отеле через два часа. Не опаздывай, Рим уже там,

рвет и мечет.

Я нажал на газ. В голове пульсировала одна мысль: я Горохов. Я выкручусь. Я

подам это как стеб, как самоиронию. Я сделаю этот костюм фишкой вечера. Все

подумают, что это тонкий ход великого шоумена.

Но когда я зашел в номер отеля, снятый специально для переодевания, и натянул на

себя эти дурацкие обтягивающие трико, мне стало не по себе. Бубенцы на колпаке

звенели при каждом моем движении. Зынь-зынь. Зынь-зынь.

Я посмотрел в зеркало. На меня глядел Шут. Глаза горели лихорадочным блеском,

лицо казалось осунувшимся.

В этот момент пришло сообщение от Агнии: «Слава, ты где? Мы начинаем через

полчаса. Рим спрашивает, готов ли ты к открытию. Твой выход — первый».

Я натянул маску, скрывающую пол-лица. Она была золотой, с длинным носом, что

делало мой образ еще более гротескным.

— Ну что, Горохов, — прошептал я своему отражению. — Покажи им шоу.

Я вышел из номера, и звук моих шагов сопровождался веселым перезвоном меди. Я

шел по коридору пятизвездочного отеля, и мне казалось, что стены смеются мне

в спину. Но я держал спину ровно. Я был уверен: сегодня мой вечер. Сегодня Рим

отдаст мне долю в бизнесе, а Агния... Агния просто как всегда будет рядом,

обеспечивая мой успех своим тихим присутствием.

Я вошел в лифт, который спускал меня прямо в банкетный зал. Сердце колотилось в

ритм бубенцам.

Шоу начиналось. И я был готов играть свою роль до конца, не подозревая, что

главную роль в этом сценарии Агния уже написала для себя. И в этом сценарии

Шуту не полагалось ничего, кроме позора.

Глава 5

Зал «Олимпа» напоминал вспоротое чрево огромного кита, которое заполнили ледяными глыбами, электричеством и запахом очень дорогого парфюма. Я стояла на балконе второго этажа, вцепившись пальцами в холодные стальные перила. Снизу доносился гул голосов, звон хрусталя и приглушенный джаз — всё то, что я выстраивала в чертежах последние три месяца. Мои крылья — тяжелые, расшитые вручную — слегка шуршали при каждом вдохе. В этом образе я чувствовала себя неприступной крепостью. Маска «Темного Лебедя» сидела как влитая, скрывая всё: и мои мешки под глазами от недосыпа, и ту лихорадочную тревогу, что жгла внутренности.

— Выглядишь пугающе прекрасно, Агния.

Я вздрогнула. Рим возник из тени коридора так бесшумно, будто он сам был частью декораций. Он не стал наряжаться в перья или латекс. На нем был безупречный черный смокинг и простая маска-домино, закрывающая глаза. Но в этом минимализме было столько подавляющей силы, что гости внизу инстинктивно расступались, когда он просто проходил мимо.

— Спасибо, Рим. Твоя идея с ледяными скульптурами сработала. Люди в восторге.

— Люди всегда в восторге, когда им дают красивую обертку, — он подошел ближе, встав рядом со мной у перил. — Но мы-то знаем, что внутри. Готова к открытию?

— Да. Слава должен выйти первым. Он подготовил приветствие.

Рим странно усмехнулся. — О да. Приветствие будет незабываемым.

В этот момент свет в зале начал медленно гаснуть. Огромные прожекторы сфокусировались на центральной сцене. Музыка стихла, сменившись торжественной дробью барабанов.

— Дамы и господа! — прогремел голос диктора из динамиков. — Мы приветствуем вас на десятилетия агентства «Олимп Событий»! Встречайте — лицо нашего праздника, мастер настройки и ваш проводник в мир магии...

Я подалась вперед. Я ждала увидеть Славу в его привычном блеске. Пусть без сложного костюма, пусть в смокинге, но с той самой обезоруживающей

улыбкой, которая когда-то заставила меня сказать «да».
На сцену выпрыгнула фигура.
Звук, который раздался в наступившей тишине, был похож на издевку. Зынь-зынь.

Зынь-зынь.
Мелкий, дребезжащий перезвон медных бубенцов.
Я замерла, не веря своим глазам. По сцене, приплясывая и нелепо размахивая
руками, двигался человек в желто-зеленом обтягивающем трико. Огромный
воротник-жабо трясся при каждом движении, а на голове раскачивался
трехрогий колпак. Золотая маска с длинным, загнутым носом делала его
лицо похожим на морду хищной птицы, потерявшей достоинство.
Это был Слава. Мой муж. Исполнительный директор крупнейшего агентства.
В зале повисла неловкая пауза, которая через секунду взорвалась смехом. Сначала
робким, потом — громогласным. Люди решили, что это такой тонкий стеб. Что это

«креатив» высшей пробы.
— О боже... — выдохнула я, прикрывая рот рукой. — Слава... что ты наделал?
Он начал говорить. Его голос, обычно бархатный и уверенный, сейчас звучал
натянuto. Он пытался шутить, вворачивал каламбуры, но бубенцы на его
голове продолжали звенеть в такт каждому слову, превращая серьезную речь о
десятилетии компании в дешевый балаган.
— Посмотри на него, Агния, — негромко произнес Рим над моим ухом. — Он нашел
свое истинное отражение. Шут при дворе, который думает, что он — король.
Я не могла пошевелиться. Мне было физически больно на это смотреть. Пятнадцать
лет я лепила из него «звезду». Я выверяла его имидж, я писала ему шутки, я
следила, чтобы его галстук идеально подходил к платку в кармане. А сейчас он
стоял там, в этом шутовском наряде, и рушил всё, что мы создавали.
Слава закончил речь под свист и аплодисменты. Он явно чувствовал себя героем. Он
поклонился, и колпак едва не свалился с его головы.
— Я спущусь вниз, — бросила я Риму, чувствуя, что мне не хватает воздуха.
— Погоди, — он перехватил мою руку. Его ладонь была горячей и твердой. — Не

сейчас. Посмотри туда, к бару.
Я проследила за его взглядом. У барной стойки, в кругу молодых менеджеров,

стояла Лисичка. Милана. Её костюм был вызывающе облегающим, рыжий мех подчеркивал белизну плеч. Она не смеялась вместе со всеми. Она смотрела на Славу на сцене с таким обожанием и... собственничеством, что у меня внутри что-то оборвалось.

Слава спрыгнул со сцены и направился напрямик к ней. Не ко мне. Не к столу акционеров.

Я быстро спустилась по технической лестнице, скрытая тенью огромных колонн.

Перья моего костюма цеплялись за выступы, но мне было плевать. Я должна

была услышать. Должна была понять.

Я проскользнула за массивную ледяную скульптуру, находившуюся всего в паре

метров от бара.

— Слав, ты был просто космос! — голос Миланы был полон восторга. — Так смело!

Все просто в шоке.

— Ты видела лицо Рима? — Слава сорвал маску-нос, тяжело дыша. Его лицо было

красным, по лбу катился пот. — Он думал, я испугаюсь его «дресс-кода». А я

сделал это фишкой!

— Ты мой самый смелый Шут, — она придвинулась к нему, почти касаясь его губ

своими. — А где твоя «Снежная Королева»? Небось, опять сидит над сметами в

подсобке?

Слава хмыкнул, притягивая её за талию. — Агния? Да где-то здесь. Она даже не заметит,

если я сейчас исчезну на полчаса. Она слишком занята «идеальностью» этого

вечера. Пошли в примерку, малыш. У меня есть для тебя кое-что... синее.

Он полез в карман шутовского комбинезона.

Я зажмурилась. Сапфир. Тот самый, о котором я мечтала, глядя на пустую витрину в

ТЦ месяц назад.

— Ой, Слав! Это мне? — взвизгнула Милана.

— Тебе, Лисичка. За то, что ты единственная, кто видит во мне мужчину, а не

бизнес-проект.

Они двинулись в сторону служебного входа. Бубенцы на его колпаке отозвались

последним, затихающим звоном. Зынь... зынь...

Я стояла за ледяной глыбой, и мне казалось, что я сама превращаюсь в лед. В

груди было пусто. Ни слез, ни крика. Только странная, звенящая ясность.
Пятнадцать лет. Омлеты со шпинатом. Глаженные рубашки. Ночи, проведенные за его

сценариями.

Всё это было принесено в жертву человеку, который сейчас, в костюме Шута, шел

дарить «мой» сапфир девочке, которая просто умела громко смеяться над его

глупостями.

— Пора использовать билет, Агния.

Я обернулась. Рим стоял позади, в тени. Он не выглядел удивленным.

— Что в этом билете, Рим? — мой голос был сухим и чужим.

— Доступ к системе видеонаблюдения всех кабинетов, — он протянул мне маленькую

золотистую карточку. — Слава забыл, что я сменил протоколы безопасности на

прошлой неделе. Идем. Ты должна это увидеть не из-за угла, а во всех

деталях. Чтобы потом у тебя не осталось ни одного шанса на прощение.

Я посмотрела на карточку. В зале гремела музыка, люди танцевали, Шут Гороховый

где-то там праздновал свою «свободу».

— Идем, — сказала я.

Я поправила крылья Темного Лебедя. Броня была на месте. Сердце — нет. Шоу Рима

только начиналось, и я была готова досмотреть его до финальных титров.

Глава 6

Коридоры служебного блока казались бесконечными туннелями, залитыми мертвенным светом люминесцентных ламп. Здесь не было праздника. Здесь не было золотого конфетти и запаха хвои — только запах пыли, озона и старой краски. Рим шел впереди. Его шаги были тяжелыми, уверенными, а маска-домино в этом освещении делала его похожим на палача, ведущего осужденную к эшафоту. Мои перья шуршали по стенам, цепляясь за выступы. Я чувствовала себя неловко в этом громоздком костюме, но остановиться уже не могла.

— Зачем ты это делаешь, Рим? — мой голос дрогнул и эхом отразился от кафеля. —

Зачем тебе разрушать мой мир именно сегодня?

Он остановился у бронированной двери службы безопасности и обернулся. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах вспыхнул странный, почти яростный огонек.

— Твой мир уже разрушен, Агния. Просто ты привыкла жить в руинах и называть это «дизайнерским ремонтом». Я лишь включаю свет. Чтобы ты перестала спотыкаться об обломки.

Он приложил золотистую карточку к считывателю. Замок щелкнул с тихим, зловещим звуком.

Внутри серверной было прохладно. На огромной стене светились десятки мониторов.

Охрана, завидев генерального, моментально испарилась — Рим умел отдавать приказы одним взглядом.

— Камера семь. Малая гримерная, — негромко произнес он.

Экран в центре вспыхнул, выдавая четкую картинку в высоком разрешении. Я зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, увидела Славу. Мой муж всё еще был в своем нелепом желто-зеленом трико. В помещении гримерной он выглядел еще более сюрреалистично — словно экзотическое насекомое, попавшее в банку.

Милана сидела на столе, заваленном париками и косметикой. Её рыжий хвост (часть костюма Лисички) игриво свисал вниз. Она смеялась, откинув голову, а Слава стоял перед ней на коленях.

В любой другой ситуации это выглядело бы как репетиция дешевого спектакля. Но

то, что он держал в руках, было настоящим.

Бархатная коробочка открылась. Синий камень вспыхнул под лампами так ярко, что

мне показалось — он выжег мне сетчатку. Сапфир. Глубокий, чистый, в обрамлении

мелких бриллиантов.

— Господи, Слав... это же целое состояние! — голос Миланы на записи звучал

отчетливо благодаря сверхчувствительным микрофонам.

— Для тебя мне ничего не жалко, — Слава потянулся к её шее, застегивая цепочку.

Его пальцы, те самые пальцы, которыми он сегодня утром касался моего плеча,

теперь нежно гладили кожу другой женщины. — Ты — мой самый главный проект

этого года, Лисичка. Мой личный триумф.

— А как же Агния? — Милана кокетливо поправила кулон. — Ты же говорил, что она

контролирует каждую копейку в агентстве. Как ты вывел такую сумму?

Слава хмыкнул, и этот звук полоснул меня по сердцу острее бритвы. Он поднялся,

стянул с головы шутовской колпак и бросил его в угол. Бубенцы жалобно звякнули

на бетонном полу.

— Агния слишком уверена в своей гениальности, — он притянул Милану к себе. — Она

думает, что если она ведет таблицы в Excel, то видит всё. А я просто оформил это

как закупку декораций для «секретной инсталляции» Рима. Она даже проверять не

стала — доверие, понимаешь? Это её главная слабость. Она скучная, Милан. Как

старый учебник по экономике. Всё правильно, всё по параграфам, но читать не

хочется. А с тобой я чувствую, что я еще жив.

Я почувствовала, как пол уходит у меня из-под ног. Рим молча подставил мне стул,

и я рухнула на него, не заботясь о том, что перья костюма безнадежно мнутя.

На экране Милана обхватила его за шею. — Значит, после объявления приза мы

улетаем? Ты обещал.

— Обещал, — Слава впился в её губы поцелуем. — Рим отдаст мне долю за «лучший

образ», я продам её ему же обратно, и мы забудем об этом «Олимпе» как о

страшном сне. Пусть Агния дальше строит свои идеальные миры. А мы будем

просто жить.

Рим подошел к пульту и нажал кнопку «Стоп». Картинка замерла на моменте их объятия.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только гудением серверов. Я смотрела на застывшее лицо своего мужа и не узнавала его. Пятнадцать лет. Я знала каждый его шрам, каждую интонацию, каждый страх. А сейчас я смотрела на незнакомца в шутовском трико, который только что хладнокровно вычеркнул меня из своей жизни.

— Теперь ты видишь всю картину, Агния? — голос Рима был тихим, почти нежным, что совсем не вязалось с его образом.

— Скучный учебник... — прошептала я. — Он назвал меня скучным учебником.

— Люди часто называют «скучным» то, чему не могут соответствовать, — Рим положил руку мне на плечо. — Ты — не учебник. Ты — автор этого агентства. А он — просто опечатка, которую пора исправить.

Я медленно встала. Внутри меня что-то окончательно перегорело. Боль ушла, оставив после себя странную, звенящую пустоту. И в этой пустоте начала зарождаться ярость. Не та ярость, что заставляет бить посуду и кричать, а

холодная, расчетливая сила.

— Ты сказал, что приз — это шанс изменить всё, — я посмотрела на Рима. — Что ты задумал?

— Слава уверен, что «лучший костюм» выбирают зрители. Но по уставу, который он сам подписал не глядя, право решающего голоса принадлежит мажоритарному акционеру. То есть мне. И я уже выбрал победителя.

Рим достал из кармана конверт. — В этом конверте — решение о выводе Вячеслава Горохова из состава акционеров за финансовые махинации и нанесение репутационного ущерба компании. Тот самый «сапфир», купленный на деньги фирмы — его последний гвоздь в крышку гроба. Тебе нужно только выйти на сцену и снять маску.

Я посмотрела на экран, где Шут Гороховый всё еще обнимал свою Лисичку.

— Нет, — сказала я, поправляя маску Темного Лебедя. — Я не просто сниму маску. Я заставлю его доиграть эту роль до конца.

Я повернулась к выходу. Мои крылья теперь не казались мне тяжелыми. Теперь это

были не перья, а стальные клинки.

— Куда ты? — Рим последовал за мной.

— В зал. Шоу должно продолжаться, верно? Мой муж хочет признания? Он его

получит. Весь город узнает, какой он выдающийся... актер.

Я шла по коридору, и звук моих шагов был четким и ритмичным. Пятнадцать лет

брака закончились в этой холодной серверной. Завтра будет развод, юристы,

раздел имущества. Но сегодня... сегодня будет финал, которого это агентство

еще не видело.

Я вошла в банкетный зал в тот момент, когда музыка достигла своего пика. Я была

Темным Лебедем. И я была готова начать свою охоту.

Шут еще не знал, что его бубенцы звенят по нему самому.

Глава 7

Зал встретил меня ударом звуковой волны и запахом тающего льда. Наши ледяные скульптуры начали «плакать» — капли воды медленно стекали по прозрачным бокам мифических существ, разбиваясь о подножия. Это было красиво и обреченно. Точь-в-точь как моя жизнь, которая последние пятнадцать лет казалась монументальной, а на поверку оказалась просто замерзшей водой. Я шла сквозь толпу, и люди расступались. Костюм «Темного Лебедя» работал магически: колющие перья на плечах и холодный блеск пайеток создавали вокруг меня зону отчуждения. Я больше не была «Агнией Борисовной, которая решит любой вопрос». Я была чужой на этом празднике.

— Агния! Ну где ты ходишь? — Слава возник передо мной внезапно. Бубенцы на его колпаке весело звякнули. Зынь-зынь. Этот звук теперь вызывал у меня судорогу в желудке. Мой муж выглядел разгоряченным, его глаза блестели от выпитого виски и, как я теперь знала, от адреналина измены. Он натянул свою золотую маску с длинным носом на лоб, и его лицо казалось странно перекошенным.

— Я была в операторской, проверяла свет, — ответила я, поражаясь собственному спокойствию. Мой голос звучал так, словно его записали на пленку и пустили через фильтр.

— Вечно ты в делах, — он приобнял меня за талию, и я заставила себя не вздрогнуть. — Расслабься! Всё идет идеально. Народ в восторге от моего образа. Слышала, как они ржали, когда я вышел? Это успех, малыш! Рим точно оценит креатив.

Я посмотрела на него в упор. Пятнадцать лет я считала этот взгляд родным. А теперь видела только грим, мелкие морщинки усталости от вранья и нелепый воротник-жабо, который делал его похожим на общипанного петуха.

— Да, Слава. Такое не забывается, — тихо сказала я. — Ты сегодня действительно... превзошел себя.

— То ли еще будет! — он подмигнул мне и вдруг зашептал на ухо, обдав запахом

спиртного и той самой ванили: — Слушай, я сейчас отойду на пару минут, нужно с подрядчиками по фейерверку перетереть. Не скучай, скоро финал! Я проводила его взглядом. Он двигался по залу, приплясывая, и его бубенцы звенели, как погремушка в руках безумца. Я знала, куда он идет. Не к подрядчикам. В гримерную, к своей «Лисичке», которая, вероятно, уже примеряла «мой» сапфир перед зеркалом. Я повернула голову и столкнулась взглядом с Миланой. Она стояла в нескольких метрах, прислонившись к колонне. Её рыжий мех на плечах подрагивал от дыхания. Она смотрела на меня — не как подчиненная на начальницу, а с торжествующей жалостью. На её шее, наполовину скрытая меховым воротником, тонко блеснула платиновая цепочка. Она не побоялась надеть его прямо сейчас. Какая наглость. Или какая уверенность в том, что «скучный учебник» Агния ничего не заметит. Я поправила маску и направилась к ней. — Прекрасный костюм, Милана, — сказала я, остановившись в шаге от неё. — Рыжий тебе к лицу. Очень... символично. Она вздрогнула, не ожидая, что я подойду первой, но быстро взяла себя в руки. — Спасибо, Агния Борисовна. Вячеслав Игоревич тоже так считает. Говорит, что в агентстве не хватало живых красок. — В агентстве не хватало много чего, — я чуть наклонилась к её уху, уловив приторный аромат её духов. — Например, честности. И хорошей службы безопасности. Милана побледнела, её рука непроизвольно метнулась к горлу, закрывая кулон. — О чем вы? — О маскараде, дорогая. О том, что под масками часто скрываются не герои, а паразиты. Наслаждайся вечером. Он обещает быть... ярким. Я оставила её стоять у колонны и вернулась к фуршетной линии. В этот момент на балкон вышел Рим. Он поднял руку, и музыка в зале начала стихать, сменяясь глубоким, низким гулом барабанов. Это был сигнал к началу церемонии награждения.

— Прошу внимания! — голос Рима, усиленный динамиками, заполнил каждый уголок лофта. — Десять лет — долгий путь. Мы видели взлеты и падения. Но сегодня я хочу наградить не за выслугу лет. А за ту роль, которую каждый из вас сыграл в нашей истории.

Толпа замерла. Я видела, как Слава проталкивается к сцене, поправляя свой шутовской колпак. Он сиял. Он был уверен, что сейчас его имя прозвучит на весь зал. Он уже видел себя победителем, владельцем нового пакета акций, свободным и богатым.

— Наш главный приз — «Золотая Маска Правды» и право на решающий голос в совете акционеров, — продолжал Рим, и его взгляд нашел меня в толпе. — И я приглашаю на сцену человека, чей костюм сегодня стал для меня откровением.

Слава сделал шаг вперед, уже занося ногу на ступеньку подиума. Бубенцы на его голове издали радостный, ликующий звон.

— Вячеслав Горохов, — произнес Рим, и Слава расплылся в улыбке, готовясь кланяться. — Ты сегодня — Шут. И это самый честный образ, который я видел за последние три года. Но приз...

Рим сделал паузу, от которой в зале стало так тихо, что было слышно, как тает лед в бокалах.

— Но приз достается не исполнителю. А автору. Агния, прошу на сцену.

Слава замер с поднятой ногой. Его улыбка медленно сползла вниз, превращаясь в маску недоумения. Зал взорвался аплодисментами, а я начала свой путь к подиуму.

Каждый мой шаг отдавался в голове ударом сердца. Я шла мимо мужа, мимо его желто-зеленого трико и золотого носа. Он смотрел на меня, и в его глазах наконец-то начал проступать страх.

Я поднялась на сцену и встала рядом с Римом. Он протянул мне микрофон. Его рука на мгновение сжала мою — крепко, давая понять: назад пути нет.

— Агния, — сказал Рим в тишине. — Сними маску. Пусть все увидят, кто на самом деле создал «Олимп».

Я медленно развязала ленты. Маска «Темного Лебедя» легла в мою ладонь. Я

посмотрела в зал. На сотни людей. На Милану, которая сжимала в руке
ворованный сапфир. И на Славу, который стоял внизу, в своем нелепом наряде,
выгляда как самое жалкое существо во вселенной.
— Шоу окончено, Слава, — сказала я в микрофон. Мой голос не дрогнул. — Бубенцы
замолчали. Пора платить по счетам.
В этот момент на огромном экране за моей спиной, где до этого крутились логотипы
агентства, вспыхнула картинка из серверной. Слава и Милана. Примерная. Сапфир. И
его слова о «скучном учебнике».
Зал ахнул. А я посмотрела на своего «Шута» и впервые за пятнадцать лет
почувствовала себя абсолютно, пугающе свободной.

Глава 8

Тишина, воцарившаяся в зале, была физически ощутимой. Она давила на барабанные перепонки, тяжелая и вязкая, как остывающая карамель. Триста человек — наши партнеры, конкуренты, сотрудники — замерли с бокалами в руках, уставившись на гигантский экран.

Там, в цифровом пространстве, мой муж продолжал целовать Милану. Его голос, усиленный мощной акустической системой зала, гремел под сводами лофта: «Она скучная, Милан. Как старый учебник...»

Я смотрела на Славу. Он стоял у подножия сцены, и в свете софитов его желто-зеленое трико казалось ядовитым. Его лицо, только что багровое от алкоголя и возбуждения, теперь стало землисто-серым. Маска-нос сползла на подбородок, обнажая рот, застывший в беззвучном «о».

Зынь...

Один одинокий бубенец на его колпаке дрогнул, когда Слава сделал мелкий, дерганный шаг назад.

— Это... это не то, что вы думаете, — его голос, сорвавшийся на сиплый шепот, прорезал тишину. — Агния! Это подстава! Это монтаж! Рим, что ты творишь?! Он обернулся к залу, ища поддержки, но люди отводили глаза. Те самые люди,

которые минуту назад хохотали над его шутками, теперь смотрели на него с

брезгливостью, смешанной с жадным любопытством. Публичная казнь — всегда лучшее развлечение на маскараде.

Я сделала шаг к краю сцены. Мои крылья шуршали, как чешуя змеи. В руках я всё еще сжимала маску Темного Лебедя.

— Пятнадцать лет, Слава, — сказала я. Микрофон в моей руке был включен, и мой спокойный, холодный голос заполнил пространство. — Пятнадцать лет я редактировала твои сценарии, чтобы ты не выглядел глупо. Я вычеркивала из них пошлость, скуку и вранье. Но этот сценарий ты написал сам. И знаешь что?

Он бездарен. А костюм шута тебе очень к лицу. И фамилия как раз под стать... Шут Гороховый!

— Агния, замолчи! — Слава попытался взобраться на сцену, но охранник Рима мягко, но непреклонно преградил ему путь. — Ты позоришь нас! Позоришь агентство! — Ты уже всё сделал сам, Слава. В костюме шута ты выглядишь очень органично. Ты ведь именно так и поступил с нашей жизнью — превратил её в дешёвый балаган. Я перевела взгляд на Милану. Она пыталась слиться с толпой, прикрывая шею рукой, но прожекторы, послушные оператору Рима, следовали за ней, выхватывая её из темноты, как мишень.

— Милана, — позвала я. — Сапфир тебе не идет. Он требует определенного класса. А на тебе он смотрится как бижутерия из перехода. Оставь его себе. Это будет твоя выходное пособие.

Милана всхлипнула и, закрыв лицо руками, бросилась к выходу. Зал расступился перед ней, как Красное море.

Слава стоял внизу, тяжело дыша. Его грудь под жабо ходила ходуном. — Ты не можешь так просто всё разрушить, Агния! У нас акции! У нас контракт! В этот момент заговорил Рим. Он подошел ко мне и положил руку на плечо. Этот жест был финальной точкой.

— Акции, Горохов? — Рим достал из кармана ту самую папку, которую я видела в серверной. — В твоём контракте есть пункт о репутационном ущербе и пункт о нецелевом использовании средств компании. Покупка украшений за счет агентства под видом декораций — это уголовная статья, Слава. Но я не буду подавать в суд.

Если ты сейчас же подпишешь документы о передаче своей доли Агнии и исчезнешь из этого города.

— Что?! — Слава задохнулся от возмущения. — Это рейдерство! Агния, ты позволяешь ему грабить меня?!

Я посмотрела на него сверху вниз. Раньше я всегда была ниже него, всегда смотрела снизу вверх, подставляя плечо. Теперь я видела только маленького, напуганного человечка в клоунском наряде.

— Я позволяю себе стать свободной, Слава, — ответила я. — Ты ведь хотел «просто жить»? Вот и живи. Без моих таблиц, без моих смет и без моих денег.

Рим протянул ему ручку и папку прямо через перила сцены. Слава смотрел на них,

как на змею. Он переводил взгляд с меня на Рима, на экран, где видео

зациклилось на моменте, когда он называет меня «скучным учебником».

Зал зашептался. Слышны были смешки. Кто-то уже снимал происходящее на телефон. Слава понял. Это был конец. Его репутация как ведущего, как «лица» бизнеса, была

уничтожена в пыль. Никто в этом городе больше не доверит ему проведение даже

детского утренника. Шут Гороховый стал мемом прямо здесь, под ледяными

скульптурами, которые продолжали плакать, заливая пол водой.

Дрожащей рукой он выхватил ручку и прижал папку к колонне. Бубенцы на его

колпаке издали последний, надрывный звон, когда он поставил размашистую

подпись.

— Подавитесь, — прошипел он, бросая папку обратно на сцену.

Он развернулся и пошел к выходу. Его походка больше не была прыгающей. Он шел,

спотыкаясь, задевая гостей своими нелепыми рукавами. Никто не пошел за ним.

Даже те, кто считал себя его друзьями. В мире глянца и праздников не любят

проигравших.

Когда двери за ним закрылись, Рим забрал у меня микрофон.

— Шоу продолжается, дамы и господа! — объявил он, и его голос был полон триумфа.

— Сегодня «Олимп» празднует не только юбилей. Мы празднуем рождение нового

лидера. Агния, теперь ты — единственный владелец креативного блока и мой

полноправный партнер.

Музыка грянула с новой силой. Оркестр заиграл что-то дерзкое, мажорное.

Официанты снова понесли шампанское. Праздник, как ни в чем не бывало,

поглотил драму.

Я стояла на сцене, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Адреналин начал

отпускать, и на его место приходила свинцовая усталость.

— Пойдем отсюда, — тихо сказал Рим, касаясь моей локтя. — Тебе нужно сесть.

Он увел меня за кулисы, в тишину и полумрак технической зоны. Там, среди ящиков

с оборудованием, я наконец-то опустилась на какой-то кофр и закрыла лицо

руками.

— Ты молодец, — услышала я голос Рима. Он стоял напротив, прислонившись к стене.

— Ты сделала это чисто.

— Я уничтожила человека, с которым прожила пятнадцать лет, — прошептала я сквозь пальцы.

— Нет, Агния. Ты просто позволила ему снять костюм, который был ему велик. И

помогла надеть тот, что в самую пору.

Я подняла голову. — Ты ведь знал, Рим. Знал об этой покупке. Знал о Милане.

Почему не сказал раньше?

Рим посмотрел на меня своим тяжелым, непроницаемым взглядом. Я не знал про костюм, но если бы и знал, ты бы мне все равно не поверила. Ты бы начала его защищать. Ты должна была увидеть это сама. И именно в тот момент, когда ты была максимально сильной. В образе Лебеда, а не в

образе жены, подающей завтрак.

Я посмотрела на свои руки. Пайетки на костюме поцарапали кожу, оставив мелкие

красные следы.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь? — Рим подошел ближе и протянул мне бокал воды. — Теперь ты выпьешь

это, поправишь макияж и вернешься в зал. У нас впереди целая ночь. И вся

жизнь, в которой больше нет места шутам.

Я взяла стакан. Вода была ледяной, как и всё в этот вечер. Я знала: Слава завтра

придет. Будет звонить, будет ползать на коленях, будет клясться, что это была

ошибка. Но я также знала другое.

Звон тех бубенцов навсегда заглушил в моей душе голос любви. Я сделала глоток и

встала. Шоу действительно должно продолжаться. Но теперь я сама буду писать

сценарий. И в нем не будет ни одной лишней роли.

Глава 9

Перья на моих плечах, еще час назад казавшиеся защитной броней, теперь тянули к полу свинцовой тяжестью. Я сидела на металлическом кофре для звукового оборудования, вглядываясь в полумрак технической зоны. Здесь, за тяжелыми бархатными кулисами, мир глянца и фальшивых улыбок заканчивался.

Пахло пылью, разогретым пластиком и озоном от работающих мониторов. Рим стоял в нескольких шагах, прислонившись спиной к бетонной колонне. Он не спешил нарушать тишину. В его молчании не было неловкости — только

выжидающее спокойствие хищника, который точно знает: добыча никуда не денется, а раны нужно просто дать время затянуться.

— Вода, — он протянул мне пластиковый стакан.

Я взяла его, стараясь не задевать пальцами его ладонь. Кожа всё еще горела от

адреналина, а внутри всё дрожало мелкой, изматывающей дрожью. Ледяная вода обожгла горло, возвращая способность дышать.

— Твой муж сейчас пытается вызвать такси у черного входа, — негромко произнес

Рим. — Охрана доложила, что он забыл в гримерке куртку и ушел в одном этом шутовском трико. Прямо под снег.

Я невольно представила эту картину: Слава, некогда блистательный Вячеслав

Горохов, в желтых обтягивающих лосинах и с бубенцами на голове, ловящий машину на заснеженной набережной. Гротеск. Трагифарс. Сценарий, который он заслужил, но от которого мне почему-то не было смешно.

— Ему всегда было наплевать на погоду, если он был в центре внимания, —

прошептала я, глядя на свои руки. Пайетки на перчатках мерцали в

темноте, как чешуя мертвой рыбы. — Рим, почему сегодня? Ты ведь мог

остановить его раньше. Когда он только начал выводить деньги. Когда эта...

Милана только появилась в отделе.

Рим оттолкнулся от колонны и подошел ближе. Его тень накрыла меня, принося с собой запах дорогого табака и холодного зимнего ветра.

— Потому что ты бы его оправдала, Агния. — Его голос вибрировал где-то у меня в затылке. — Ты бы нашла тысячи причин: кризис среднего возраста, стресс на работе, твоя собственная занятость. Ты бы продолжала гладить его рубашки и вычеркивать его глупости из сценариев. Женщины твоего типа не уходят, когда им просто плохо. Они уходят, когда оставаться становится физически невозможно.

Когда маска прирастает к лицу настолько, что сдирать её приходится вместе с кожей.

Я подняла голову. Рим смотрел на меня без тени улыбки. Его маска-домино была сдвинута на лоб, и я впервые так близко видела его глаза —

пронзительно-серые, цвета застывшей ртути.

— Ты считаешь меня слабой?

— Я считаю тебя ослепленной, — отрезал он. — Ты создавала этот «Олимп» как храм

его тщеславия, забыв, что боги из папье-маше боятся первого же дождя. Сегодня

пошел ливень, Агния. И твой бог потек.

Из-за кулис донесся приглушенный взрыв хохота и аккорды джазового оркестра.

Праздник там, за занавесом, продолжался. Мои сотрудники, мои коллеги, люди,

которых я считала друзьями, сейчас обсуждали мой позор под тарталетки с икрой.

— Мне нужно вернуться туда, — я попыталась встать, но ноги подогнулись.

Рим подхватил меня под локоть. Его рука была твердой, как стальной захват.

— Тебе не нужно туда возвращаться. Твоя роль на сегодня исполнена. Завтра юристы

оформят передачу долей. Горохов подписал отказ не из-за страха перед тюрьмой, а

из-за того, что он — трус. Он не умеет сражаться, когда у него отнимают

микрофон.

Я высвободила руку. — Это мой вечер, Рим. Десять лет моей жизни. Я не позволю

ему забрать еще и этот финал.

Я поправила крылья, чувствуя, как одно перо надломлено — оно неприятно кололо

лопатку. Шагнула к зеркалу, висевшему на стене за кулисами. В тусклом свете

на меня смотрела незнакомка. Черные тени вокруг глаз, бледные губы, хищный

разлет бровей. Это не была Агния, которая выбирала текстиль для скатертей.

Это был Темный Лебедь, готовый к своему последнему танцу.

— Агния Борисовна! — из-за кулис вынырнула Леночка. Вид у неё был такой, будто

она только что увидела привидение. — Там... там люди спрашивают... А Вячеслав

Игоревич... он действительно ушел?

— Вячеслав Игоревич покинул здание, Лена. Навсегда, — ответила я, поражаясь

собственному льду в голосе. — Проследи, чтобы подачу горячего не

задерживали. И скажи дирижеру: пусть сменят джаз на что-то более...

динамичное. Танго. Я хочу танго.

Леночка кивнула и испарилась, даже не задав лишних вопросов.

Я вышла в зал. Свет прожекторов ударил по глазам, на мгновение ослепив. Сотни

лиц обернулись в мою сторону. Гул голосов затих, как по команде. Я видела их

всех: жадные взгляды, сочувственные кивки, скрытую насмешку.

Я шла к центру зала, к той самой ледяной скульптуре, которая теперь превратилась

в лужу у моих ног. Вода пропитала подол моего платья, делая его еще тяжелее.

— Оркестр! — крикнула я, и мой голос, казалось, расколол остатки тишины. —

Танго!

Скрипки взвизгнули, задавая рваный, агрессивный ритм. Я стояла одна в круге

света.

— Позвольте?

Рим стоял передо мной, протягивая руку. Это не было просьбой. Это был вызов.

Я вложила свою ладонь в его. Его пальцы сомкнулись на моих, и я почувствовала,

как тепло возвращается в мои замерзшие конечности. Мы начали двигаться.

Это не был танец в привычном понимании. Это был бой. Рим вел жестко, почти

грубо, заставляя меня прогибаться, следовать за его ритмом, забывать о том,

что на мне тяжелые крылья. Мы кружились мимо застывших гостей, мимо пустых

столов, мимо того места, где всего полчаса назад Слава унижал меня перед

всем миром.

— Не смотри на них, — шептал Рим, когда мы сходились в резком па. — Смотри на

меня. Сегодня ты хоронишь свое прошлое. Сделай это красиво.

— Ты жестокий человек, Рим, — выдохнула я, когда он почти уронил меня назад в

глубоком прогибе.

— Я честный человек, Агния. В этом твоя беда — ты разучилась отличать жесткость

от правды.

Музыка нарастала, становясь почти невыносимой. Я видела в толпе Милану — она

стояла у выхода, бледная, сжимая в кулаке цепочку сапфира. Наша встреча

взглядами длилась секунду, но в этой секунде я прочитала всё: её поражение,

её страх и её никчемность. Она получила камень. Я получила свободу. Цена была

разной.

Финальный аккорд скрипки оборвался, оставив в зале звенящую пустоту. Я стояла,

тяжело дыша, уткнувшись лбом в плечо Рима. Его сердце билось ровно, уверенно.

— Всё, — сказал он. — Представление окончено.

Гости начали аплодировать — сначала робко, потом всё громче. Это были

аплодисменты не мастерству танца, а моей победе. Социальному

выживанию. В этом мире тебя уважают только тогда, когда ты умеешь

красиво добить врага и выйти на поклон.

Я отстранилась от Рима. — Спасибо.

— Не за что. Твоя машина ждет у входа. Я распорядился, чтобы твои вещи из

квартиры Горохова перевезли в отель. Тебе не стоит возвращаться туда

сегодня.

Я замерла. — Ты за меня уже всё решил?

— Я просто экономлю твое время, Агния. Завтра тебе понадобится ясная голова. У

нас тендер на весенний форум, и я не намерен отдавать его конкурентам только

потому, что ты решила поплакать над пустым шкафом.

Я посмотрела на него. В этом человеке не было ни грамма сочувствия в привычном

понимании, но в его прагматичности было больше заботы, чем во всех клятвах

Славы за пятнадцать лет.

— Хорошо, — кивнула я. — Завтра в десять я буду в офисе.

Я шла к выходу, не оглядываясь. Холодный воздух ночной Москвы ударил в лицо,

принося мгновенное отрезвление. Черный «Мерседес» мягко урчал у входа.

Водитель открыл дверь, и я нырнула в кожаное нутро салона, чувствуя, как

крылья окончательно ломаются, складываясь за моей спиной.

Машина тронулась. Я смотрела в окно на пролетающие огни города. В сумке зазвонил

телефон. Слава.

Я посмотрела на экран. Сообщение: «Агния, прости. Я был не в себе. Это всё Рим,

он подстроил... Ты же знаешь, я люблю только тебя. Давай поговорим».

Я открыла окно и выбросила телефон в сугроб. Он вспыхнул на секунду ярким

прямоугольником и исчез в темноте.

Шут Гороховый пытался вернуть свою королеву. Но он забыл одну маленькую деталь:

когда королева снимает маску, она видит мир слишком ясно. И в этом мире для

шутков больше нет места.

Я закрыла глаза. Впереди была пустая ночь в отеле и бесконечный список дел на

завтра. Но впервые за многие годы я знала: завтрашний завтрак я приготовлю

только для себя. И в нем не будет ни шпината, ни горечи чужих измен.

Только свобода. Холодная и чистая, как первый снег.

Глава10

Отель «Метрополь» встретил меня сдержанным шиком и оглушительным отсутствием запаха подгоревшего омлета со шпинатом. Здесь пахло лилиями, старым деревом и какой-то особенной, архивной тишиной, которая бывает только в местах, видевших сотни драм и триумфов.

Водитель Рима — немногословный мужчина по имени Степан — донес мои кофры до самого номера. Он не задавал вопросов, не предлагал сочувственных взглядов. Просто поставил вещи и сухо кивнул: — Рим Александрович просил передать, что завтрак подают до одиннадцати. Машина будет ждать в десять тридцать. Доброй ночи, Агния Борисовна.

Я осталась одна в номере категории «люкс». Высокие потолки, тяжелые портьеры цвета пыльной розы и кровать, на которой мог бы разместиться небольшой цыганский табор.

Мои пальцы, всё еще испачканные в клее от страз и гриме, нащупали молнию на спине. Вж-жик.

Звук разрезал тишину номера, как скальпель. Я начала выбираться из костюма Темного Лебедя. Это было похоже на то, как змея сбрасывает старую кожу.

Перья цеплялись за волосы, пайетки царапали плечи, но я продолжала стягивать этот чертов шелк и бархат.

Когда платье наконец упало к моим ногам бесформенной черной кучей, я почувствовала... холод. Не тот, от которого дрожат, а пронзительную легкость в позвоночнике. Пятнадцать лет я несла на себе невидимый панцирь из обязанностей, чужих ожиданий и бесконечного «мы». Теперь «мы» закончилось.

Осталась только я — в одном кружевном белье перед огромным ростовым зеркалом в золоченой раме.

Я подошла ближе к отражению. Бледная кожа, красные полосы от корсета на ребрах, размазанная черная подводка вокруг глаз. Я выглядела не как жертва измены, а

как выжившая в авиакатастрофе. Обломки лайнера под названием «Брак Гороховых» еще догорали где-то там, на набережной, а я уже стояла на твердой земле.

— Ну здравствуй, — прошептала я своему отражению. Голос был хриплым, чужим. В углу номера стояли три чемодана. Те самые, которые Рим распорядился собрать и перевезти из нашей квартиры. Я открыла первый. Сверху лежал мой старый любимый свитер — кашемировый, растянутый, домашний. И моя любимая кружка с отбитой ручкой, которую я никак не решалась выбросить.

Рим собирал вещи не сам. Это явно делала какая-то очень внимательная и циничная женщина из его личных помощниц. Но выбор вещей был пугающе точным. Там не было «парадных» платьев для выходов со Славой. Там были мои личные вещи. Мои альбомы для эскизов. Мои профессиональные маркеры. Мой ноутбук.

Они не просто забрали мою одежду. Они вычленили из нашей квартиры меня, оставив Славе только его глянцевую оболочку.

Я села на край кровати, погрузив пальцы в ворс ковра. Мысли о Славе вернулись против воли. Не как боль, а как досадная помеха. Я представляла, как он сейчас ходит по нашей пустой квартире. Включает свет в гостиной, где еще пахнет хвоей и моими духами. Видит пустые полки в гардеробной.

Наверное, он злится. Слава всегда злился, когда его лишали комфорта. Он ведь не просто изменил мне. Он изменил самой системе координат, в которой я была его солнцем, а он — планетой, греющейся в моих лучах. Сейчас солнце погасло, и на его планете наступила вечная мерзлота.

Интересно, Милана уже успокаивает его? Или она поняла, что вместе с долей в агентстве Слава лишился и своего лоска? Без «Олимпа», без моего креатива, без поддержки Рима он — просто стареющий мальчик с хорошей дикцией и сомнительным вкусом в одежде. Шут без короля.

Я подошла к мини-бару, достала маленькую бутылку джина и выпила её залпом, прямо из горлышка. Горько. Холодно. Правильно.

В ванной я долго смывала грим. Черная вода стекала в белоснежную раковину, превращаясь в серые разводы. Я терла кожу до красноты, пока лицо не стало

чистым и беззащитным. Без маски Лебеда я снова была Агнией.
В дверь коротко постучали. Я вздрогнула, накинув на плечи отельный халат. Кто?

Слава нашел меня? Рим?

На пороге стояла молодая женщина в строгом костюме. Я видела её раньше — это

была Кира, личный ассистент Рима. В руках она держала небольшой бумажный

пакет из аптеки и термос.

— Рим Александрович просил убедиться, что вы приняли успокоительное и выпили чай

с мятой, — сказала она без тени иронии. — И еще. Он просил передать, что замки в

вашей квартире на Фрунзенской уже сменены. Ключи будут у него в офисе завтра

утром.

Я смотрела на неё, не мигая. — Он сменил замки? В моей собственной квартире? — В

вашей с господином Гороховым общей собственности, — уточнила Кира. — Но

поскольку вы являетесь потерпевшей стороной в вопросе махинаций, Рим

Александрович взял на себя смелость обеспечить вашу безопасность. Господин

Горохов не сможет войти туда без вашего согласия.

— Он сумасшедший, — выдохнула я. — Он эффективный, — Кира вежливо кивнула и

протянула мне пакет. — Доброй ночи, Агния Борисовна. Постарайтесь поспать.

Завтра будет тяжелый день.

Дверь закрылась. Я осталась стоять в прихожей, сжимая в руках аптечный пакет.

Рим играл в эту игру по-крупному. Он не просто помогал мне — он методично

отрезал Славе все пути к отступлению. Сменил замки. Лишил акций. Опозорил

перед всем городом.

Зачем ему это? Из чувства справедливости? Или у него был свой план на меня, в

котором Вячеслав Горохов был лишней фигурой?

Я легла в огромную кровать, утонув в подушках. Окно было приоткрыто, и в номер

проникал гул ночной Москвы. Где-то там, среди этих огней, мой муж — теперь уже

почти бывший — искал способ вернуть всё назад. Он обязательно попробует. Придет

с цветами, с сапфирами, с мольбами о прощении. Будет говорить про «бес попутал»

и «безумие праздничной ночи».

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором возник Рим. Тот момент в танце, когда

он почти уронил меня назад, и я почувствовала силу его рук.
Слава всегда хотел, чтобы я была его «тылом». Рим хотел, чтобы я была его

«оружием».

И я впервые в жизни поняла, что мне больше нравится второе.

Сон пришел внезапно, тяжелый и без сновидений. Последней мыслью было странное

осознание: я не проронила ни одной слезы. Ни когда увидела его с Миланой на

экране, ни когда он уходил в своем шутовском колпаке, ни сейчас, в одиночестве

отеля.

Мои слезы, видимо, замерзли вместе с теми ледяными скульптурами в зале «Олимпа».

Утро обещало быть холодным. Но я больше не боялась мороза. Я сама стала зимой.

Когда первые лучи зимнего солнца прорезали тяжелые шторы, я уже сидела в кресле,

одетая в простой черный костюм, который нашла в чемодане. На столе стоял

нетронутый чай.

Я смотрела на свои руки. Обручальное кольцо — тонкая полоска платины с маленьким

бриллиантом — казалось теперь инородным телом. Я потянула его. Оно соскользнуло

легко, оставив на бледной коже едва заметный след.

Я положила его на пепельницу.

В дверь снова постучали. На этот раз это был не ассистент. — Агния, это я.

Голос Рима был приглушен деревом двери, но я узнала бы его из тысячи. Низкий,

уверенный, не терпящий возражений.

Я встала и открыла дверь. Он стоял в коридоре, уже в рабочем костюме, пахнувший

свежестью и хорошим табаком. В руках у него был стакан кофе из моей любимой

кофейни неподалеку от офиса.

— Ты готова? — спросил он, окинув меня коротким взглядом. — У нас через час

встреча с акционерами. Твой муж прислал своего юриста. Пытается

торговаться.

Я взяла кофе. Тепло стакана приятно обжигало пальцы. — Он всегда любил

поторговаться, Рим. Но у него больше нет товара, который бы меня

заинтересовал.

— Хороший ответ, — Рим едва заметно улыбнулся. — Пойдем. Пора показать им, что

«Олимп» — это ты, а не тот клоун в колпаке.

Я вышла из номера, не оглядываясь. На пепельнице, среди белого фарфора, осталось

лежать кольцо — символ пятнадцати лет, которые сегодня окончательно стали

историей.

Я шла по коридору «Метрополя» рядом с Римом, и звук моих каблуков по паркету был

похож на отсчет времени. Моего времени.

Шоу закончилось. Началась реальная жизнь. И в ней я больше не собиралась играть

по чужим правилам.

Глава 11

Москва за окном бронированного «Мерседеса» выглядела так, словно кто-то выкрутил насыщенность на минимум. Грязный снег, серые фасады и бесконечные потоки машин, ползущих по набережной, как сонные гусеницы. В салоне пахло дорогим парфюмом Рима — смесью кедра и холодного металла — и тем самым кофе, который я сжимала в руках, как единственную связь с реальностью. Рим молчал. Он вообще умел молчать так, что тишина вокруг него становилась осязаемой, плотной, почти физической силой. Его пальцы ритмично постукивали по кожаному подлокотнику. Я мельком взглянула на его профиль — резкий, словно высеченный из гранита. В этом человеке не было ни капли той суетливой харизмы, которой так гордился Слава. Слава брал обаянием, Рим — масштабом личности.

— Ты бледная, — произнес он, не поворачивая головы. — Не выпалась?

— Трудно спать в «Метрополе», когда понимаешь, что твоя жизнь поместилась в три чемодана, — я сделала глоток. Кофе был горьким, именно таким, как мне сейчас требовалось. — Слава прислал адвоката? Не пришел сам?

Рим наконец повернулся ко мне. Его взгляд был тяжелым, пронизывающим насквозь. — Твой муж — мастер сцены, Агния. Но он знает, что сегодня не его спектакль. Он прислал Марка Левина. Это «акула» по разводам и корпоративным спорам. Значит, Слава напуган. А напуганный человек — самый опасный, он будет кусаться до последнего.

— Пусть кусает, — я посмотрела в окно на здание нашего офиса, которое уже показалось впереди. Лофт из красного кирпича, когда-то наше со Славой «детище», теперь казался мне огромным склепом для несбывшихся надежд. — У меня больше нет иллюзий, которыми он мог бы питаться.

Когда мы вошли в холл «Олимпа», сотрудники инстинктивно притихли. Я видела, как Леночка за стойкой рецепции втянула голову в плечи, провожая нас взглядом.

Вчерашний скандал уже стал главной темой во всех курилках города. Мы прошли мимо отдела маркетинга. Место Миланы было пустым. Стол девственно чист, ни одной лишней бумажки — Рим работал быстро. У дверей переговорной нас уже ждали. Марк Левин выглядел именно так, как описывал Рим: безупречный костюм-тройка, очки в тонкой золотой оправе и лицо, на котором застыла маска профессионального сочувствия. Рядом с ним сидел помощник, лихорадочно строчащий что-то в планшете. — Агния Борисовна, Рим Александрович, доброе утро, — Марк встал, демонстрируя безупречные манеры. — Сожалею, что нам приходится встречаться при таких... драматических обстоятельствах. Вячеслав Игоревич крайне подавлен. Он просил передать, что всё еще надеется на мирное решение вопроса, учитывая ваши... хм... долгие и плодотворные отношения. Я села напротив него, расправив полы черного жакета. Рим расположился справа от меня, откинувшись на спинку кресла. Он выглядел как человек, который пришел посмотреть на скучную пьесу, финал которой ему уже известен. — «Мирное решение» в переводе со славянского означает «оставьте мне акции и забудьте про сапфир»? — я не стала тратить время на светские беседы. — Марк, давайте опустим лирику. У нас юбилей агентства прошел в формате публичного разоблачения. О каком мире мы говорим? Левин кашлянул, поправляя очки. — Вячеслав Игоревич признает, что совершил... импульсивный поступок. Но мы считаем, что передача всей его доли в компании — это чрезмерная мера. Мой клиент готов отказаться от операционного управления, но хочет сохранить статус миноритарного акционера и получать дивиденды. В конце концов, пятнадцать лет брака и создание агентства с нуля... — С нуля его создавала Агния, — перебил Рим. Его голос был тихим, но в переговорной словно похолодало на несколько градусов. — Вячеслав был фронтменом. Аниматором в дорогом костюме. Его вклад в капитализацию «Олимпа»

за последние три года — отрицательный. А учитывая финансовые махинации с закупками «декораций», которые на самом деле оказались украшениями для его любовницы...

Рим выложил на стол папку. Те самые документы, которые я видела в серверной. —

Здесь счета, проводки и показания ювелирного дома. Вячеслав украл у компании сумму, эквивалентную десяти процентам его доли. Если мы дадим этому ход, Марк,

ваш клиент сменит костюм шута на тюремную робу. Вы этого хотите?

Левин даже не взглянул на папку. Он знал, что там. — Рим Александрович, мы

понимаем серьезность ситуации. Но Агния Борисовна... вы ведь не станете

сажать мужа в тюрьму? Это удар по вашей репутации тоже. Скандал, пресса,

грязное белье. «Олимп» этого не переживет.

Я посмотрела на адвоката. В его глазах я видела уверенность в том, что я, как

«сильная, но любящая женщина», дрогну. Слава всегда на это рассчитывал. Что я

пожалею, прикрою, спасу.

— Вы ошибаетесь, Марк, — я подалась вперед, и Левин невольно отпрянул. — «Олимп»

— это я. Мои идеи, мои подрядчики, мой авторитет у клиентов. Слава был яркой

оберткой, которая вчера окончательно порвалась. И знаете что? Под ней

оказалась пустота. Мне нечего защищать. Моя репутация сегодня — это

репутация женщины, которая не терпит предательства ни в постели, ни в

бизнесе.

Я достала из сумки лист бумаги. Мое заявление.

Увидев в руках у меня заявление, Левин оживился.

— Вчерашняя подпись Вячеслава Игоревича не имеет юридической силы, так как получена путем шантажа и публичного давления. Мы будем оспаривать эту бумагу и требуем вернуть ему статус акционера»

— Что ж, скажу по другому..

— Либо он подписывает полную

передачу доли сегодня до обеда, либо в два часа дня эти документы ложатся

на стол в прокуратуре. Передайте Вячеславу Игоревичу: время «шутки»

закончилось.

— Но Агния... — Левин попытался воззвать к моим чувствам. — Пятнадцать лет... Вы

ведь любили его.

— Именно потому, что я его любила, я знаю его цену, — отрезала я. — Пятнадцать

лет я платила за его успех своим временем и талантом. Считайте это финальным

расчетом.

Рим встал, давая понять, что аудиенция окончена. — У вас есть три часа, Марк. Мы

ждем подписанные документы. И да... напомните своему клиенту, что замки на

Фрунзенской сменены. Его вещи уже вывезены в его загородный дом. Тот

самый, который он тайно купил в прошлом году и оформил на свою маму. Мы ведь

об этом тоже знаем.

Левин заметно побледнел. Он не ожидал, что мы копнули так глубоко. Собрав свои

бумаги, адвокат почти выбежал из переговорной, даже не попрощавшись.

Когда дверь за ним закрылась, я почувствовала, как силы покидают меня. Я просто

сидела, глядя на пустой стол, и чувствовала, как внутри пульсирует пустота.

— Ты была великолепна, — Рим подошел ко мне сзади и положил руки на плечи. Его

прикосновение было теплым и уверенным. — Я думал, ты дашь ему шанс

оправдаться.

— У него было пятнадцать лет шансов, Рим. Каждое утро, когда я готовила ему

завтрак, это был шанс. Каждый раз, когда я закрывала глаза на его

«задержки», это был шанс. Вчера он сам выбрал свой костюм.

Я повернулась к нему. Рим стоял совсем рядом. В его глазах я видела что-то новое

— не просто уважение к бизнес-партнеру, а какой-то голодный, мужской интерес,

который заставлял сердце биться чаще.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы идем работать, — он протянул мне руку. — У нас через полчаса

летучка. Нужно объяснить сотрудникам, что «Олимп» меняет курс. И да...

Агния.

— Что?

— Тебе очень идет этот взгляд. Взгляд женщины, которая наконец-то поняла, что

она сама — и есть приз.

Я вложила свою руку в его. Ладонь Рима была сухой и горячей. Мы вышли из

переговорной в коридор, где жизнь агентства продолжала кипеть. Люди оборачивались, шептались, но я шла вперед, не глядя по сторонам. Я больше не была «женой Горохова». Я не была «скучным учебником». Я была Агнией, женщиной, которая только что сожгла мосты, чтобы построить на их месте небоскреб.

На моем столе в кабинете стоял букет белых лилий. Без открытки. Но по тому, как Рим задержал на них взгляд, я знала, от кого они. Пятнадцать лет я получала от Славы красные розы — его любимые цветы. Лилии он считал слишком холодными. А мне они казались идеальными. Чистыми, сильными и пахнущими новой жизнью. Я села в кресло и открыла ноутбук. Первый файл — «Стратегия развития на следующий год». Я удалила имя Вячеслава из списка руководителей одним нажатием клавиши «Delete».

Звук этого нажатия был самым приятным звуком за последние годы. Шоу продолжалось. Но теперь это было мое шоу.

Глава 12 (Вячеслав)

(от лица Вячеслава)

Холод пробирался под пальто, кусая колени сквозь тонкое, позорное трико. Я стоял

перед дверью нашей квартиры на Фрунзенской и в десятый раз пытался провернуть

ключ в скважине. Железо входило мягко, но стопорилось намертво.

— Да какого черта... — прохрипел я, чувствуя, как внутри закипает бессильная

ярость.

Я дернул ручку. Массивная дубовая дверь, которую мы с Агнией выбирали два года

назад в итальянском салоне, стояла незыблемо, как стена крепости. Моей

крепости, из которой меня только что выставили, как паршивого кота.

При каждом моем резком движении бубенцы на колпаке, который я так и не догадался

снять, издавали издевательское «зынь-зынь». Этот звук преследовал меня всю

дорогу в такси, заставляя водителя-киргиза коситься на меня с плохо

скрываемым подозрением. Наверное, он решил, что везет сбежавшего из

дурдома аниматора.

Я прислонился лбом к холодному дереву. Пахло воском и дорогим деревом. За этой

дверью был мой мир. Мой кожаный диван, мой домашний кинотеатр, мой бар с

коллекционным виски. И Агния. Которая всегда была там, да

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.